

Светлана Тысячная

Эффект амбре

Интернат. Мальчик неадекватен – заперся в туалете и всех, кто к нему стремится попасть, забрасывает дерьмом. В конце концов, его оставили в покое. Но новая нянечка, имени которой никто не знает, впрочем, она сама ещё никого не знает, разговаривает с ним через закрытую дверь.

Никто: Тебя как зовут-то? Понимаешь, я тут новенькая, ещё никого не знаю. (Пауза. Пытается заглянуть в замочную скважину, но быстро отстраняется, потому что оттуда вываливается дерьмо.) Ну ладно – не хочешь говорить, не надо.

Никак: Никак меня не зовут!

Никто: Странно, меня тоже никак не зовут. Тёзки значит.

Никак: Слышь, тётка, не старайся! У меня говна – полны закрома! И на тебя хватит.

Никто: Вот напугал. Да я и так вся в дерьме. По уши. Так что, в общем-то, это ты особо не старайся.

Никак: Бреешь, тётка, параша – тут, у меня. А там у вас – чистячок.

Никто: Это тебе кажется. Хуже, чем в самой поганой параше, как ты выразился.

Никак: Не, тётка, это я ещё не выражался.

Никто: И не пытайся, всё равно таких выражений, какие знаю я, ты не слышал никогда.

Никак: А ты чё – из тюряги? Может, сбежала? У нас уже один был такой. Учитель пения. «Ля-бемоль, ля-бемоль», двоим уши оторвал – тогда по него менты пригнали.

Никто: А уши как же?

Никак: Кому пришили, а какие... Ги-ги. В суп наверно кинули - мясо же.

Никто: Ну и чё, вкусно было?

Никак: Может, и было б, если б их почистили наперёд. Слышь, тётка, а у тебя шмурдяка, часом, нету?

Никто: У меня ничего нету.

Никак: Чё – голая там стоишь?

Никто: Нет. Как в больнице – рубаха, халат и тапочки. Рубаха – рваная, халат – застиранный, тапочки – на три размера больше.

Никак: Чё – без трусов, что ли?

Никто: А. Ещё – трусы и косынка. На косынке – красный крестик нарисован. Шариковой ручкой. Как в детстве.

Никак: А трусы – с рукавами?

Никто: Это как – с рукавами?

Никак: Ну, такие длинные, до колен. Бабка у меня такие таскала.

Никто: До колен – это панталоны. А у тебя что - бабушка есть?

Никак: Кабы была – я б тут не кантовался. Перевернулась. Давно уже. Говняная была бабка, но хоть кормила.

Никто: Почему же тогда говняная?

Никак: По кочану. У нас все там говняные.

Никто: Где у вас?

Никак: Дома.

Никто: Грязно что ль было?

Никак: Не-а. Папка говновозом работал.

Никто: Ассенизатором.

Никак: Один чёрт.

Никто: И что?

Никак: А ничё?

Никто: Пил что ли?

Никак: Ага. Хотел, чтоб я тоже стал говновозом.

Никто: Ну и что?

Никак: Ну, хорош, всё, пошла отсюда! А то чует моё сердце...

Никто: Ничего оно у тебя не чует.

Никак: Иди отсюда, я сказал! А то - не отмоешься!

Никто: А некуда мне идти. Я уже умерла.

Никак: Чё - из трупарни сбежала?

Никто: Заладил: сбежала, сбежала. Сбежала – это если гонятся. А за мной никто не гонится. Некому.

Никак: Ха. Ты, может, – свихнутая?

Никто: Сумасшедшая? А не сумасшедших людей не бывает. Только сумасшедшие. Все. Одни, вот как ты, дерьмо разбрасывают, другие пытаются отмыться, третьи это дерьмо сгребают. Так и живём. Все дружно дерьмо жуём. Стихи. Так что говновоз - самая человеческая профессия.

Никак: Сама, небось, ничего, грязнее ложки, в руках не держала.

Никто: Да, потому теперь и в дерьме по уши.

Никак: Так тебе и надо.

Никто: Так и надо. У тебя дерьмо снаружи, а у меня – внутри. Не отмоешь. (пауза.)
Слушай, Никак, а ты... как ты...ну, тебя не тошнит? От вони? Я просто не ела ничего трое суток, потому блевать нечем, а так бы уже давно тут всё обгадила.
Кстати, ты давно не ел?

Никак: Вчера заливали через воронку какую-то дрянь. Суп что ли гороховый. Исперделся весь. А сам я уже три месяца не ем.

Никто: И не хочется?

Никак: Не-а.

Никто: А живёшь-то как?

Никак: Звонят санитарам из трупарни через день. Они дверь с петель сымают, меня выволакивают. Сначала из шланга поливают. Потом волокут в душевую – там домывают со щёлоком. Щиплет, зараза. А потом – через воронку в рот заливают какое-нибудь пойло. Так.

Никто: Но это же не может длиться вечно.

Никак: Сказали вчера, что – в последний раз.

Никто: А что же завтра? Почему? Разве это – жизнь?

Никак: Я никого не просил меня сюда заключать. Я в подвале классно жил.

Никто: В каком подвале?

Никак: В доме одном. Там тепло. Там у нас даже кран с водой был. Только эта дура дворничиха сказала, что мы чего-нибудь или запалим, или взорвём. Падла. Полгода жили – и ничего. Ну, менты нас и выволокли. А тебе чего надо?! Пристебалась! Не ем – и всё!

Никто: Может, я жила в том доме. Давно.

Никак: Давно-говно. То три месяца как было. Давно.

Никто: Моего дома три дня, как нет. Столько же, сколько и меня.

Никак: Так ты чё, тётка, - привидение?

Никто: Что-то вроде того.

Никак: Ангел, что ли?

Никто: Может и ангел.

Никак: Бреешь. Ангелов не видать и не слышно. Ого. А чё с домом-то сделалось?

Никто: Взорвался.

Никак: Вот дворничиха и накаркала. Ха. Дура. Так ей и надо.

Никто: А чего ей? Она в другом доме живёт.

Никак: Ха. Зато мы кота ейнова съели.

Никто: Разве котов едят?

Никак: Ещё как едят. За милую душу едят. Когда оближешь все помойки после бомжей и даже зелёной корки не нароешь – какой кот, крысу недожаренную захавашь целиком. И ещё подавай.

Никто: Вкусно?

Никак: Ну, если посолить, поперчить и подикалонить... А до свету не сдохнешь, будешь жить долго. А ты чё не подзорвалась? Дома что ль не была?

Никто: Была. Потом – не была. А потом – снова была.

Никак: У нас у одного тоже такой трёп был. Тока он – из горячей точки. Пришибленный малость.

Никто: Так и я – из горячей точки. И пришибленная. И внутри у меня что-то не так. Голова кружится, и есть не могу.

Никак: А чё тебя в больницу не уекли?

Никто: А никто не знает, что я жива. Даже я сама.

Никак: А чё ты тут делаешь?

Никто: Сама не знаю. Шла себе по улице, голова закружилась – я к заборчику прислонилась. Стою, отдышаться пытаюсь. Вдруг слышу краем уха разговор. Говорили про парня, который дерьмом весь интернат провонял. А ведь я и не знала, что тут интернат. Думала – училище какое.

Никак: Ага. Училище-сучилище. Ха-ха-ха. Ну, теперь узнала?! Вали отседова! Ничё хорошего тут нет! Это я точно знаю!

Никто: Послушай, мальчишечка. Ты... вот ты, говоришь: отец хотел, чтобы ты стал ассенизатором. А сам-то ты чего хотел? Мечта есть у тебя?

Никак: Ага! В космос хотел! Или нет – в менты! А лучше – в пожарники... Пошла ты, знаешь куда?!

Никто: Куда?

Никак: Куда не ходят поезда! Так я перед тобой и вывернулся весь! Прямо наизнанку!

Никто: Поорать захотелось. Ну, пори-поори. Авось полегчает. (пауза) Небось взрослым хочешь стать? И поскорее. Угадала? (пауза) Дурачёк. Ничего хорошего в том, чтоб взрослым быть, нет. Особенно – мужиком.

Никак: Бабы тюни. А сама, небось, хотела бы мужиком родиться. Скажешь, нет? У нас две девки в подвале были – так всё время говорили, что мужикам легче живётся.

Никто: В твоём возрасте думала, что хотела бы. Я и в игры мальчишечьи играла, и машинки у меня были, и пистолеты. А подросла... не то, чтобы поумнела. Просто... Ну смотри. Смертность у мужиков больше? Больше. Радости какие? Спорт. Выпить-закусить-поспать-переспать... Говорю, как есть – ты ведь взрослый. Все вы теперь взрослые. Вот поэт один сказал: «В пятнадцать лет, пусть мать меня простит, мы знали всё, хоть – ничего не знали...» Кто из вас нынешних до десяти лет доживя про секс не слышал? Нет таких. Средства массовой информации у нас работают... как на ядерном топливе. Вот бы в мирных целях.

Никак: У девок больно много радостей – бантики-фантики, тюни-нюни, цацки-конфетки и – потрепаться.

Никто: Потрепаться и мужики горазды. Особенно когда от них – не дай бог - чего надо. До конца дней трёпом изойдёт. Да честно так. Глядя в глаза. И трепет, и трепет, и трепет, и трепет... А ты слушаешь его и думаешь: уж лучше бы...

Никак: Чего лучше? (пауза) Ты чё там – заснула? (пауза) Или сдохла?

Дверь тихонько открывается и из нее высовывается коротко остриженная голова. Н и к т о сидит недвижимо на полу, прислонясь к стене. Н и к а к осторожно, оглядываясь по сторонам, приближается к ней.

Никак: Тётка, а тётка. Ты чё, померла что ли? (трогает её за руку). Слышь, тётка, не помирай, а то мне и полаяться будет не с кем. Меня давно никто не слушает. (наклоняется к лицу) Дышит вроде. Или сквозняк это? А вдруг и впрямь померла? Бабка-то без меня окочурилась. Сослала меня в лагерь на всё лето, а сама взяла, да в один прекрасный день и окочурилась. К тому... мертвяков я не видел ещё. Жёлтая она какая-то. Не. Показалось. Темно тут. Тётка, не помирай. Я боюсь. Слышь. Ты. Не помирай говорю! Я боюсь! Фу. Да вон у ней жилка на шее дёргается – значит живая.

Н и к а к приносит в баночке воды и плескает на лицо Н и к т о, она вздрагивает и стонет.

Никто: Это хорошо, что он рухнул.

Никак: Кто рухнул? А-а-а... Дом твой? Да уж, куда лучше. Рехнулась. Привалило, наверно.

Никто: Я когда в него приходила... Вроде в склеп. Особенно ночью. Когда темнота окна замазывает.

Никак: Тю. Точно рехнулась.

Никто: И воздуха не хватает. Даже если горит свет. Везде.

Никак: Гы. Тут училка одна так говорит: темно дышать.

Никто: Да. Да. Темно дышать. И спать не видно.

Никак: Ну, вставай, давай. Разлеглась. В больницу тебе. А тут делать нечего.

Никто: Там я без денег никому не нужна. Да я и с деньгами-то никому не нужна была.

Никак: Без денег никто никому не нужен. Это я усвоил. Когда у бабки деньги на книжке пропали... Ну, как у всех...

Никто: А-а-а.

Никак: Так папаша-гавновоз её тогда побил.

Никто: Что, вот просто взял и побил? За что?

Никак: Не – не просто, с понятием. Ты чё – совсем уже? Она ж пропить не дала ему тех денег. Так бы пропил, а так пропали даром.

Никто: Да. Смешно.

Никак: Потом сказал, что нечего на шее у него сидеть задарма. Она после больницы, как оклемалась, в переходе со стаканчиком стояла. Так он у неё и те отбирал. Пить-то надо. Я так теперь думаю – убил он её, пока я в лагерях-то кантовался всё лето. Бил-бил – и убил.

Никто: Мальченька. И тебя бил?

Никак: Гы. Меня сперва найти надо. Ищи ветра. Ты, это, вставай. Ща мои кормильцы приедут. Хотя, чего это я? Не приедут ведь уже. (пауза) Тихо. Куда это все подевались? Знаешь?

Никто: Где мне? Я же тут давно с тобой. Или показалось?

Никак: Показалось. Ты ж – пришибленная. А пришибленным часто кажется.

Никто: Нет. Давно я тут. Состариться успела. Какие руки у меня грязные. Покажи воду мне, где руки помыть.

Никак: Ишь, хитрая какая. Воду ей. Моя параша! Зайдёшь – утоплю.

Никто: Говоришь, что нет никого, а сам трусишь.

Никак: А ты меня не понти. Иди ищи свою воду. На углу вон кран пожарный – мойся, сколько влезет. Иди.

Никто: Не могу. Встать не могу – голова сильно кружится.

Никак: Снова здорово.

Никто: Какое странное чувство. Как в детстве на карусели. Глаза закрыты, а всё кружится, кружится. Странно.

Никак: Вставай, давай.

Никто: Я потому карусели и не любила – меня на них укачивало.

Никак: Вставай, говорю.

Никто: А потом выросла – и ничего. Однажды на кораблике катались по морю – шторм начался. Моряки говорили, что небольшое волнение – балла два-три. Всех наших, сухопутных, укачало, а меня – нет. Странно.

Никак: Ты чё, оглохла что ль?

Никто: Чего же ты боишься? Не санитаров? Нет, не санитаров. От них ты бы уже давно сбежал. Вы, пацаны, - народ юркий. Не ухватишь, не догонишь. И на улице жить не боишься – уже бомжевал. Прячешься от кого-то? Надеешься, что не найдут? Скоро умрёт лето и закончится надежда. Очередное лето и очередная надежда. Каждая из них издали кажется такой огромной, а потом превращается в песчинку. И – рассыпается. (пауза) И ты прячешься от того, кто скажет тебе правду. На свете нет ничего лживее правды, когда она звучит из чужих уст. Правда – это только то, что знаешь ты сам.

Никак: Чё ты трепешь? Какая правда? Ничего я не знаю. Правда – это то, что все издохнут. Все.

Никто: Правда – что рождаются не затем, чтобы умереть.

Никак: А, ну да – ещё надо успеть хорошенько в дерьме изгваздаться.

Никто: Есть такие, что и в дерьме умирают чистыми.

Никак: Ага. Бабка, когда на мамку ругалась, говорила «ты дывысь, яка свята та божа, наче зпид неи пташки носять».

Никто: Мама давно умерла?

Никак: Давно.

Никто: Ты, выходит, совсем маленький был. Как же такое запомнил?

Никак: По картинкам. Я рисовал, а что рядом кто говорил – само в голове запоминалось.

Никто: Выходит, ты – художник.

Никак: Иди отсюда! Иди, или я тебя сейчас убью!

Никто: Не смей так говорить. Разве художники убивают? (пауза) Я сама умру. Ничего для этого делать не надо.

Никак: И тебе не страшно? Помирать.

Никто: Не страшно. А ты думаешь, это страшно? Нет. (пауза) Когда тебе что-нибудь страшно, надо в этот страх войти, как в холодную воду. Можно потихоньку, но лучше – с разбега. И страха больше не будет.

Никак: Тю. Обратнo заговаривается.

Никто: Он – лопнет. Как мыльный пузырь. Вот и всё.

Тихо. Дверь туалета открывается, снова выходит Н и к а к. Подходит к Н и к т о и трогает жилку на шее. Потом берет сзади обеими руками за плечи и волоком по полу затаскивает в туалет.

2014